

ГЕРБ

*Государственный герб
есть предмет вековой и многовековой
(Митрополит московский Филарет)*

*Небываемое бывает
(Легенда на медали Петровского времени)*

ЧТО ТАКОЕ ГЕРБ: ЭМБЛЕМА ИЛИ СИМВОЛ?

Само слово "символ" греческого происхождения (symbolon). Это знак, примета, признак, пароль, сигнал, предзнаменование (Лосев. С.18). Является ли символ обычным знаком, обычной приметой и т.д.? "Мир знаков существует "рядом с природными явлениями, предметами техники и предметами потребления", - писал М.М. Бахтин (Волошинов С. 16). Далекое зарево для человека с ассоциативным мышлением - пожар, свежие лужи на земле - примета прошедшего дождя, человеческий голос за стеной - знак присутствия его владельца (Дорошевский. С. 97 - 100). Однако ни один из перечисленных знаков нельзя назвать символом. Понятие символа гораздо шире. Символ передает смысл вещи, события, является его смысловым отражением и обобщением, выражает его закон, его упорядоченность, но по своему первоначальному содержанию не имеет непосредственной связи с обозначаемым объектом.

Человечество неплохо отработало язык символов. Это и чисто условные знаки, понятные лишь в данной знаковой системе. Таковы, например, буквы, которыми пользуются в математике и которые воспроизводят определенные математические понятия. Это и знаки, которые передают звуки, производимые человеком, и слова, складывающиеся из этих звуков. Есть знаки, созданные по прямому сходству с обозначаемым предметом. Например, красный галстук, буденовка, каска, фуражка студента или железнодорожника обозначают принадлежность к той или иной корпорации, объединению, организации. Группа знаков передает отвлеченные понятия, в том числе и высшие (кольцо - идею вечности и бесконечности, шестиконечная звезда - идею взаимосвязи духа и материи и т.д.). К этой группе относятся также символы христианства, в частности, рыбы

раннего христианства, кресты, кружки в более позднее время (Шрейдер. С. 16 – 17). Именно они-то и были наиболее существенными при формировании государственной символики, опирающейся на христианскую традицию, особенно в период средневековья, когда "самосознание и общение народов и поколений", равно как и "осознание и тем самым создание своей государственности", "осуществлялось вообще и прежде всего посредством символов" (Плюханова. С. 11, 12, 24). В целом можно повторить за русским философом А.Ф. Лосевым: символ есть концентрированное зримое выражение главной идеи явления или понятия, основанное на структурном сходстве символа и элементов символизируемого содержания. "Символ вещи, – писал А.Ф. Лосев, – есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности" (Лосев. С. 65).

Частным случаем символов являются эмблемы. Обратимся еще раз к выдающемуся соотечественнику. "Эмблема, – по его словам, – есть символ специального назначения и поэтому обладающий характером условности или конвенционности", "точно фиксированный, конвенциональный, но, несмотря на свою условность, вполне общепризнанный знак как самого широкого, так и самого узкого значения" (Лосев. С. 185, 148 – 149). По мнению А.Ф. Лосева, "эмблемы государства... являются в смысле соотношения в них общего и единичного не чем иным, как именно символами, но только более специального назначения". Двуглавого орла А.Ф. Лосев относит, "строго говоря", к эмблемам (Лосев. С. 65).

Различия между символом и эмблемой понимали поразному. Автор первого эмблематического труда в России, изданного в 1788 году, Нестор Максимович Амбодик писал так: "Емвлема есть остроумное изображение или замысловатая картина, очам представляющая какое ни на есть естественное вещество, одушевленное существо или особливую повесть с принадлежащею к ней нарочитою надписью, состоящую в кратком слов изречении.

Символ есть краткая надпись, состоящая в остроумном изречении немногих слов, совершенный смысл в себе заключающих, кои, будучи соединены с емблемой, руководствуют нас к познанию другой вещи или повести, исторический, нравственный или таинственный смысл или подобное сему означенное содержание" (Амбодик. С. VII). Как видим, разница между геральдистом конца XVIII века и современным философом колоссальная. Дело здесь не только в прогрессе науки, но и в разном подходе к предмету практика-геральдиста и выстраивающего стройную картину символов философа. Н. Амбодика интересовали гербы, и в своем руководстве по составлению эмблем он счел нужным отметить разницу между символом и гербовой эмблемой.

Слово "герб" происходит от немецкого Erbe, что значит наследство. Впервые этот термин упоминается в указе 1692 года (СГГД. Ч. IV. С. 634). До этого времени наши предки говорили лишь о "печатах" и "клейнах" (клеймах). Герб - это "эмблема, закрепленная за человеком, родом, регионом, землей, государством, передаваемая по наследству (человеком как членом рода) или существующая до тех пор, пока существует данный тип государства", "оформленная изобразительно по законам геральдики, расположенная на соответствующем поле, именуемом щитом, и носящая определенной значимости цвет" (Соболева. 1981. С. 153). "Герб - символический опознавательный-правовой знак, составленный и утвержденный по определенным правилам, служащий постоянным отличительным определителем лицу, роду, обществу или учреждению". Таковы основные определения этого термина. Во втором, принадлежащем А.П. Черныху (Черных. С. 45), обращает на себя внимание правовой аспект.

Итак, образуется некий ряд: символ - эмблема - герб. Однако последний - далеко не единственная форма, которую находят эмблема или символ. "Человеческие абстракции могут сигнализироваться различными формами материализации... знаки могут иметь различную материальную природу: графическую... живописную, акустическую" и др. (Волков. С. 13). В равной степени это относится и к государственной символике.

Символика есть внешняя, предельно лаконичная форма выражения сущности данного политического образования,

государства, его "идей", черт, его отличий от других государств или, напротив, сходства с ними. Передадим слово известному правоведа конца XIX века В.А. Градовскому: "Герб по государственному праву есть внешний символ, видимый отличительный знак известного государства, эмблематично изображенный на государственной печати, монете, знамени и т.п. В качестве такого символа государственный герб выражает отличительную идею и основы, осуществлять которые государство считает себя призванным". Основными идеями он считал идеи государственного могущества и религиозную (Градовский. Т. 1. 1892. С. 157; 1912. С. 163). Аналогичные взгляды высказывали и историки права – его предшественники (Загоскин. С. 200; Андреевский. С. 156; Романович-Славатинский. С. 152). Для формирования государственной символики должны быть по крайней мере две предпосылки–

наличие самого государства как объективная предпосылка и осознание жителями этого государства собственной принадлежности к особому политическому единству и их желание найти для выражения этого соответствующую внешнюю форму (субъективную). Одного только становления той или иной формы государственности недостаточно; нужно, чтобы общество хотя бы в лице его идеологов было готово к осмыслению соответствующего политического процесса и отражению его в знаковой системе.

Конечно, обе эти предпосылки появляются далеко не одновременно. Как правило, значительно отстает субъективный фактор. В средневековье государство идентифицировалось по преимуществу с личностью его главы, будь то император, король или князь.

Формирование государственной символики происходило первоначально как формирование символики верховной власти, использовались ее внешние признаки – корона и скипетр, трон и держава, сопряженные с личностью и особой государя. Так, на первом этапе своего существования двуглавый орел воспринимался исключительно как "государева" печать. Специалисты по государственному праву XIX века подчеркивали, что в соответствии с тогдашним законодательством России государственный герб относится к внешним правам и преимуществам русского самодержца (ср.: Винклер. 1893. С. 412; 1895). Вся история ранней символики есть предыстория государственной символики,

создание того фонда эмблем, которым воспользовалось государство позднее.

Каждый символ – дитя своей эпохи, он расцветает и умирает вместе с ней, оставляя после себя массу загадок, которые не всегда может решить человек другого поколения, другой духовной ориентации и других представлений (Meunier. P. 19 – 31). Далеким потомкам трудно разобраться в символах и эмблемах, в которых доходит до его времени знаковая система ушедшего времени. Для иллюстрации этого ограничимся тремя примерами. Камею с изображением Аполлона на четверке лошадей С. Гаврилов, рецензент сборника снимков с печатей, изданного П.И. Ивановым, истолковал как намек на стремление Московского княжества к уничтожению уделов (Гаврилов. С. 63).

Выдающийся русский историк конца XVIII века М.М. Щербатов увидел на русских монетах XIV – XV веков, в особенности с изображениями животных, свидетельства об уплате дани в Орду с указанием даже даты этого. Изображение Самсона со львом он считал знаком победы над внешними врагами, а со змеем – над внутренними (Щербатов. 1781. С. 137 – 138, 141; Спасении. 1955. С. 94, 95, прим. 3).

Еще более сложный случай с новгородской "вечевой" печатью. А.Б. Лакиер в 1855 году отметил, что она встречается лишь в XVI веке на оттисках печатей московских воевод (Лакиер. С. 155). Однако, увидев на печати изображение посоха, символ власти совета бояр – "господи" Новгорода, целая плеяда историков, археологов, сфрагистов и нумизматов сочла эту печать за печать независимого Новгорода. И потребовалось извлечь из новгородской земли десятки печатей XV века, чтобы Н.Г. Порфиридов вернулся к мнению Лакиера.

На этом примере ясно, какие опасности поджидают исследователя на пути дешифровки отживших свой век эмблем и символов. Помочь в этом могут произведения письменности, непосредственно связанные с формированием символов и знаков верховной власти. Например, в "чинах" (уставах) коронования или венчания государей подробно описано назначение различных атрибутов верховной власти; иностранцы в своих донесениях и записках о посещении Москвы зафиксировали свои впечатления от приемов их русскими государями и использования ими ре-

галии – знаков верховной власти. Из сказаний и легенд, повествовавших о прошлом русских правящих династий, можно увидеть, как то или иное поколение русских понимало символы государственности, как формировались политико-правовые понятия и внешнеполитические притязания России.

О древних символах верховной власти можно узнать и по изображениям государей на гравюрах, произведениях станковой (в основном портретной) или монументальной (фресковой) живописи, произведениях прикладного искусства, медалях, монетах, печатах, которые иногда несли на себе изображение главы государства с соответствующими атрибутами.

Среди всех этих памятников два являются важнейшими. Это монеты и печати, которые изучают две науки – нумизматика и сфрагистика. Именно эти предметы по своему прямому назначению должны были объявлять всем и каждому о положении государя, его правах внутри государства и претензиях за его пределами. Было между ними существенное различие. Прокламативная функция монет и печатей различалась не только в политико-географическом аспекте. Хотя и те и другие оповещали о княжеской, царской, имперской или республиканской символике, но их роль и круг зрителей были разными.

Монеты – результат деятельности верховной власти – производились в большом числе, они были рассчитаны на массовое использование местным населением и лишь отчасти населением соседних земель, государств, территорий. Они имели хождение в основном внутри страны, земли или отдельного региона. Их цель – укрепить позиции государства в пределах его собственной страны.

Печати помещались на документах не только внутригосударственного, но и международного значения, например на договорах отдельных князей в эпоху раздробленности русских земель.

Печати по происхождению и назначению разноуровневые. Они лишь частично создавались по распоряжению верховной власти. Часть их прикладывалась к актам внутреннего управления и соответственно была обращена к получателям этих актов, круг которых постепенно расширялся – от представителей привилегированного сословия – светских и духовных – до крестьян и посадских людей.

Для жалованных грамот употреблялась малая печать, которая в XVII веке именовалась кормовой. Каждое государственное учреждение (начиная с приказов конца XVI века) имело собственные печати (так. Большой дворец удостоверял документы своими печатями с изображением единорога).

Средняя и большая государственные печати (они стали различаться в XVI веке) скрепляли документы, направляемые зарубежному контрагенту – одноранговому с государем главе соседней или несоседней страны. Среднюю печать прикладывали к верительным грамотам послам, большая – удостоверяла международные соглашения – договоры. Были, конечно, и исключения. Так, верительные послам в Данию и Швецию в 1578 и 1583 годах были снабжены большой печатью, что объяснялось чрезвычайными обстоятельствами. В условиях двигавшейся к поражению Ливонской войны и тотчас после ее окончания царю Ивану Грозному очень важно было поднять свой престиж – хотя бы с помощью печати, на которой находились эмблемы завоеванных было им, но потерянных прибалтийских земель.

Фрагмент dokonчания
Василия II
с Дмитрием
Юрьевичем 13 июня
1436 г.

Кроме государственных и ведомственных печатей, государственные символы попадали иногда и на печати частных лиц, в особенности в XVIII – XIX веках.

Таким образом, печати разного уровня и разного назначения фиксировали отношения государственного масштаба, с одной стороны, и правового и имущественного характера – с другой. Два пласта информации, которую несли печати: "сведения о юридических гарантиях власти", которой обладал владелец печати, и о нем самом либо о той "властной структуре", которой принадлежало право использования печатей (Белецкий С.В. 1994 – 1. С.

9), делает их незаменимым источником по истории. Недаром Н.П. Лихачев подчеркивал, что "печати являются... памятниками... и чисто историческими (выразители политической тенденции, общественных веяний и взглядов в изображениях, форме, величине, материале)" (Лихачев. 1905-1906. С. 14). Дадим слово и польскому ученому Р. Хайсигу: "По своей внешней форме, внутреннему содержанию и правовой роли печать стала одним из проявлений культурного прогресса, выразителем и символом развивающегося общества" (Mikuski, Gumowski, Haisig. S. 58).

Печать, в какой бы форме она ни сохранилась (будь то металлическая вислая свинцовая или серебряная, т.е. булла, или оттиск на воске), в большей степени, нежели монеты, носит индивидуальные черты, она подчас быстрее и точнее реагирует на всякие политические и внешнеполитические новшества. Эмблема на государственной печати или приравненной к ней (а именно такие будут объектом дальнейшего рассмотрения) не только прокламировала идеологическую программу того или иного государя внутри страны, но и объявляла о его мощи, значении и внешнеполитических целях далеко за пределами той земли (земель), во главе которой (которых) он находился.

Каждой из форм государственности была присуща своя символика, лишь отчасти повторявшая или воспроизводившая предшествующую. Менялся и характер символов, и набор тех предметов, которые составляли ту или иную эмблему. Печать и корона, венец и крест, скипетр и держава, мантия и трон - вот далеко не полный перечень тех предметов, которые использовались в поставлении, венчании на царство или коронации главы того или иного политического образования и с течением времени превращались в носителей государственной идеи.

Фрагмент договора Василия II с Юрием Дмитриевичем Галицким и Звенигородским 11 марта 1427 г. с греческой подписью митрополита Фотия

Среди этих предметов особое место занимают так называемые регалии, или инсигнии. Оба эти слова латинского происхождения. Rex – царь, отсюда regalis – царский. Собственно regalia первоначально обозначала царскую резиденцию, а затем приобрела новый оттенок – обязательные аксессуары царской власти. Второе слово происходит от глагола insignere – отмечать, обозначать, выделять, украшать. Если первый из этих терминов может быть приложим лишь к знакам царской, королевской,

императорской власти, то второй – имеет более широкое значение и может быть распространен на знаки верховной республиканской власти. Символами верховной власти становились те предметы, которые отличали государя от всех простых смертных (Schramm. 1954 – 1956).

Знаки верховной власти, будь то княжеская или республиканская, царская или императорская, воспроизводились на самых различных предметах, даже предметах быта.

Регалии русской верховной власти менялись вместе с изменением самой верховной власти, с одной стороны, и процедурой ее оформления в качестве таковой – с другой. Нашей задачей не может стать анализ эволюции политического строя, это совершенно особая задача, но изучать историю русских регалий возможно лишь синхронно с историей и эволюцией внешних признаков верховной власти и обрядов, связанных с передачей или утверждением этой власти. Несомненна также теснейшая связь эволюции символики с эволюцией регалий. Возникали новые способы передачи или вручения верховной власти, приобретали новую форму старые и вместе с тем появлялись новые атрибуты власти, которые либо переводили прежние на задний план, либо заставляли их видоизменяться или просто исчезать.

Мы попытаемся не только описать их, но и выяснить их происхождение, понять тот сокровенный смысл, который вкладывали их создатели в ту или иную эмблему.

Такой подход отнюдь не нов. Еще до революции не чужд ему был замечательный историк и сфрагистик конца XIX – 30-х годов XX века Н.П. Лихачев; в наши дни семантикой изображений на русских средневековых монетах занялись В.Л. Янин и Г.А. Федоров-Давыдов. Последний выдвинул и обосновал теорию сочетаемости различных признаков, обозначавших отношения вассалитета-сюзеренитета, положив тем самым начало новой методике изучения не только монет, но и печатей, в которых идеи выражения политического статуса государя читаются еще более отчетливо.

Выяснением смысла основных символов государственности, выраженных в литературных произведениях, занимаются ныне и филологи, и культурологи – Ю.М. Лотман, В.А. Успенский, М.Б. Плеханова и др. Их вклад в исследование проблемы тем более весом, что древнерусские книжники исходили из общечеловеческого философского христианского наследия – Священного писания и церковного предания, широко использовали опыт античности в XVIII веке и своих предшественников эпохи средневековья и Нового времени.

Обобщение достижений предшественников должно помочь и воссозданию истории государственной символики в предлагаемой работе.